

Полина Бычкова [POLINA BUČKOVA]

ДИСКУРСИВНЫЕ ФОРМУЛЫ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

COBISS: 1.01

[HTTPS://DOI.ORG/10.3986/JZ.26.2.08](https://doi.org/10.3986/JZ.26.2.08)

Diskurzivne formule pritrjevanja s tipološkega stališča

Prispevek predstavlja zasnovno tipološke študije pragmatičnih zgradb v vlogi odgovora (rus. *Ne govori!*, sl. *Kaj si pa misliš!*). Zasnova tipologije je izdelana po modelu moskovske leksikalnotipološke raziskovalne skupine. Na podlagi gradiva iz vzporednih korpusov in vprašalnikov analiziramo ruske, slovenske in italijanske diskurzivne formule s pomenom pritrjevanja.

Ključne besede: diskurzivne formule, leksikalna tipologija, pragmatična tipologija, konstrukcijska slovnica, govorna dejanja

Discourse formulae of Confirmation from a Typological Perspective

This article presents a pilot typological study of pragmatic response constructions such as Tell me about it!, I should think so!, No way!, and so on within the framework of the Moscow Lexical Typology group. It examines the class of discourse formulae with a confirmative meaning in Russian, Slovenian, and Italian based on data from questionnaires and parallel corpora.

Keywords: discourse formulae, lexical typology, pragmatic typology, Construction Grammar, speech acts

1 ФРЕЙМОВЫЙ ПОДХОД В ЛЕКСИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ И ЕГО АДАПТАЦИЯ ПОД ЗАДАЧИ ПОСТРОЕНИЯ ТИПОЛОГИИ ДИСКУРСИВНЫХ ФОРМУЛ

1.1 Лексическая типология и подход Московской лексико-типологической группы

Лексическая типология – не так давно существующая, но расширяющаяся область лингвистики, в задачи которой входит поиск когнитивно универсальных значений и семантических противопоставлений в лексике. В рамках лексической типологии разработано несколько методов выявления универсального набора значений. Их подробный обзор дан в Kortjevskaia et al. 2016. В этой области развивается несколько направлений исследований – экспериментальное (см. Majid 2012), квантитативное (ср. Rzymiski et al. 2020), металингвистическое (см. Goddard 2010) – и среди них так называемый

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-012-00240 А «Проблема семантической непрерывности в лексико-типологическом аспекте».

фреймовый подход, который представляет Московская лексико-типологическая группа (MLexT).

В основе MLexT лежит идея о том, что лексику нельзя рассматривать отдельно от контекста. Типовой контекст употребления лексемы соотносится с некоторым набором наиболее характерных для нее внеязыковых ситуаций. Структуру этих ситуаций моделируют фреймы.¹ Фреймы задают ситуацию и характеризуют типы ее участников. Так, исследования MLexT, основанные на полевых, словарных и корпусных данных, показывают, что поле AQUAMOTION (движение и нахождение в воде) характеризуется четырьмя основными фреймами: плавание одушевленного субъекта, плавание судов, плавание за счет течения и нахождение на поверхности воды (Lander et al. 2012). Несколько упрощая, с точки зрения MLexT, это и есть универсальный набор значений для поля AQUAMOTION. Остается только проследить стратегии колексификации (François 2008) – то есть стратегии объединения этих значений одной лексемой в разных языках. В английском действует дистрибутивная стратегия: эти фреймы противопоставлены разными глаголами (*swim, sail, drift, float*). В большинстве славянских языков – стратегия доминантного глагола, так что эти фреймы почти всегда объединены (за исключением нахождения на поверхности). В хинди, например, нахождение на поверхности колексифицируется с плаванием человека и лексически противопоставлено остальным фреймам. Такие стратегии отражают относительную близость между выделенными значениями, определяют связи между ними и позволяют с помощью семантических карт визуализировать системы противопоставлений в каждом семантическом поле.²

До сих пор работа велась преимущественно на материале предикатов: глагольной (AQUA-MOTION, глаголы звука, глаголы боли, глаголы падения и др.) и признаковой лексики. На этом материале показана принципиальная общность противопоставлений для каждой семантической группы лексем в разных языках. Интересна задача проверить применимость этой технологии к принципиально другим областям. В этой работе она решается на материале так называемых **дискурсивных формул** (подробнее об этом классе конструкций в русском языке см. Pužajeva et al. 2018; Vyčková et al. 2019).

Дискурсивные формулы представляют собой отдельный класс некомпозиционных (см. Fillmore 1988) единиц – это разговорные реплики, как рус. *Еще бы, Ну и ну*, англ. *Come on, No way, You bet*, слвн. *Ne bi rekel, Točno tako*, состоящие из нескольких элементов и выражающие прагматические значения: отказ, согласие выполнить просьбу, удивление, подтверждение и пр. Ср. пример употребления русской дискурсивной формулы в диалоге:

1 Термин фреймовой семантики, см. подробнее Fillmore 1976, а также, применительно к лексической типологии, Rakhilina – Reznikova 2016.

2 Об автоматизации процесса построения такой карты см. Ryzhova – Obiedkov 2017.

[1] *Вы ведь знакомы? – Еще бы!* [Л. Н. Толстой. Анна Каренина]

В нашей работе рассматриваются формулы с семантикой подтверждения трех языков: **русского, словенского и итальянского**. Таким образом, в пилотной выборке есть два родственных, но не находящихся под непосредственным взаимным влиянием языка, и два языка, существующих в близком контакте. Анализ производится на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ), Параллельного корпуса славянских языков Parasol и корпуса итальянского языка itTenTen в совокупности с данными, полученными от носителей при помощи анкеты.

Части 2 и 3 первого раздела содержат более подробное обсуждение существенных для поставленной задачи свойств дискурсивных формул и описание адаптированной методики. В разделе 2 приведен анализ структуры поля подтверждения. В разделе 3 описано распределение дискурсивных формул русского, словенского и итальянского языков по выделенным фреймам. Результаты сравнения систем трех языков и некоторые параллели в моделях образования дискурсивных формул подтверждения рассматриваются в заключении.

1.2 Специфика дискурсивных формул как объекта для лингвистической типологии

Основные принципы построения лексической типологии и методы, разработанные Московской лексико-типологической группой, – такие, как выделение фреймов на основании сочетаемости с контекстом – применимы к материалу дискурсивных формул. Очевидно, однако, что между дискурсивными формулами и отдельными лексическими единицами есть принципиальные отличия.

Во-первых, дискурсивные формулы конструируются (или прагматизируются – см. Heine 2013) из нескольких слов, а значит обладают (хотя и зачастую непрозрачной) внутренней формой. Следовательно, в этом случае важны источники конструирования.

Во-вторых, дискурсивные формулы, как реплики диалогов, представляют другую область языка: здесь вступают в действие обычно нерелевантные для лексики параметры – оценки, ожидания, интенции, отношения между говорящим и адресатом.³ Фреймы будут основываться на классификации ситуаций взаимодействия между говорящим и собеседником.

В-третьих, если лексические единицы в нормальном случае встречаются во фразе, авторство которой целиком принадлежит говорящему, то для дискурсивных формул контекст – это реплика собеседника. Таким образом, правила употребления дискурсивных формул складываются из двух обяза-

3 С точки зрения фразеологической теории, эти же параметры отличают подобные дискурсивным формулам сентенциальные фраземы от паремий (Metc 2016: 47).

тельных параметров – типа предшествующего речевого акта собеседника и говорящего.

1.3 Анкета

Типологическая анкета для дискурсивных формул поля *подтверждения*, рассматриваемого в нашей работе, составлялась с учетом их особенностей. В результате каждый вопрос анкеты включает в себя контекст слева от дискурсивной формулы, моделирующий речевой акт собеседника, и продолжение реплики говорящего, проясняющее его реакцию, выраженную дискурсивной формулой. Ср.:

[2] А: *А там паста есть?* Б: _____ *Это же итальянский ресторан.*

Первый вариант анкеты был составлен на основе анализа вхождений в НКРЯ выборки из семи русских дискурсивных формул подтверждения – *еще бы, а как же, а ты как думал, еще как, не говори* и *вот именно*.⁴ Результирующая анкета, которая использовалась в данной работе, состоит из 17 вхождений. Они включают в себя все контексты, которые оказались противопоставлены по возможности встретить в них ту или иную дискурсивную формулу в русском языке. При поиске противопоставлений создавались комбинации из левых и правых контекстов, так что, например, в анкете оказались два вхождения с речевым актом «оценка» – в одном случае продолжение указывало на солидарность говорящего с собеседником, а в другом – на непонимание его:

[3] *Какая погода хорошая!* – (ср. *И не говори *А ты как думал*) *Кайф!*

[4] *Фу, какая гадость!* – (ср. *А ты как думал *И не говори*) *Это же рыбий жир!*

2 СТРУКТУРА ПОЛЯ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ

На основе анализа употреблений дискурсивных формул подтверждения в русском языке была определена структура поля, впоследствии проверенная и уточненная материалом итальянского и словенского. Выделены четыре основных ситуации-фрейма: **очевидность**, **экспертная оценка**, **осознание** и **солидарность**. Они могут быть противопоставлены друг другу по набору параметров (см. таблицу 1). Эти параметры можно условно задать при помощи вопросов:

- (1) Фигурирует ли в диалоге знание Р (или представление, которое считается знанием) или происходит обмен мнениями?
- (2) Презумптивно ли знание Р или появляется у говорящего в процессе разговора?

⁴ Работа по составлению анкеты велась совместно с Е. Ю. Козюк.

- (3) Есть ли у говорящего презумпции, что все, включая собеседника обладают знанием Р?

Эти параметры позволяют выделить четыре фрейма с условными названиями: очевидность, экспертная оценка, осознание и солидарность.

Фрейм \ Параметр	знание VS мнение	презумптивное знание	презумпция о знании собеседника
очевидность	знание	да	да
экспертная оценка	знание	да	нет
осознание	знание	нет	нет
солидарность	мнение	–	–

Таблица 1: Параметры фреймов подтверждения

Далее мы обсудим каждой из четырех фреймов.

2.1 Фрейм очевидности

Центральный речевой акт – вопрос

Фрейм очевидности представляет собой ситуацию диалога, в котором собеседник своим высказыванием демонстрирует частичную или полную неосведомленность в некотором вопросе. Высказывание говорящего имеет презумпцию, что он не ожидал от собеседника этого незнания – говорящий считает собственное представление о ситуации не только единственным правильным, но и фактически безальтернативным – то есть, очевидным. В действительности он может так не считать, но, произнося формулу, принадлежащую этому фрейму, *представлять* ситуацию именно так – с целью, например, выставить собеседника в менее выгодном свете.

Проявить неосведомленность или неуверенность собеседник говорящего может несколькими способами, но самый явный из них – вопрос: задавая вопрос, он как бы сам признается в незнании чего-то, что известно адресату. Поэтому центральным речевым актом для фрейма очевидного подтверждения является общий вопрос.

Помимо вопроса, левыми контекстами в этом фрейме могут выступать предположение, совет, комплимент и оценка.

Предположение обнаруживает у собеседника сомнения, неуверенность в своем представлении о ситуации. В этом случае говорящий как бы удивляется тому, что собеседник не считает очевидным то, что считает очевидным он сам.

В контексте совета еще сильнее проявляется этот аспект. Отвечая дискурсивной формулой с очевидностью на совет, говорящий сообщает: ‘совет собеседника сделать Р неуместен, потому что говорящий и так знает, что ему нужно делать Р, и собеседнику следовало бы догадываться об этом’.

Среди левых контекстов в этом фрейме оказался и комплимент. Презумпция очевидности сказанного здесь срабатывает как одна из принятых стратегий на него (наравне с отрицанием или переменной темы, см., например, Romeranz 1978): изобразить ситуацию таким образом, как будто собеседник не сказал ничего нового (а следовательно, произвести некоторую девалоризацию). Конечно, в таких контекстах формулы очевидности приобретают шуточный тон.

Левый контекст оценки во фрейме очевидности представлен совсем периферийно. В таких примерах говорящий тоже обозначает, что ожидания собеседника должны были заранее соответствовать полученному опыту и он мог бы предвидеть ситуацию, раз это мог предвидеть сам говорящий. При этом оценка в реплике собеседника незаметно трансформируется в удивление.⁵

Как-то тут прохладно. – А как же! / А ты как думал, ты же в Англию приехал.

2.2 Фрейм экспертной оценки

Центральный речевой акт – предположение

Фрейм экспертной оценки отличается от предыдущего тем, что говорящий не ожидает от собеседника абсолютно тех же представлений о мире, что есть у него. При этом говорящий считает, что об обсуждаемой ситуации Р знает больше, чем собеседник – поэтому в диалоге он выступает в качестве эксперта, к которому обращаются за консультацией. Интересно, что, несмотря на то, что логически были выделены два возможных речевых акта, которыми могли бы быть стимульные реплики в этом фрейме, – предположение и вопрос – наш материал показал, что те формулы, которые зарезервированы только для этого фрейма, а не распространяются на него из фрейма очевидности, реагируют обычно только на предположение. Если во фрейме очевидности говорящему приходится собеседника просвещать, здесь ему необходимо лишь одобрить уже выдвинутую им версию. Естественно, что при этом формулы, попадающие в этот фрейм, имеют более доброжелательный характер.

2.3 Фрейм осознания

Центральный речевой акт – предположение

Принципиальное отличие фрейма осознания от предыдущих двух заключается в том, что представления говорящего по поводу обсуждаемой ситуации

⁵ Проблема реинтерпретации речевого акта собеседника за счет формулы – это отдельная интересная тема, которой в этой работе не удастся уделить достаточного внимания.

R меняются в процессе диалога. Своей репликой собеседник подает говорящему идею, которую тот, после рассмотрения, принимает и переводит в другой разряд – в разряд знания.

Можно сказать, что в этом фрейме больше всего работает кооперация – оба участника за время диалога приобретают новое общее знание, и каждый из них вносит в это свой вклад – собеседник генерирует точку зрения, а говорящий ее сертифицирует.

Есть два типа контекстов, возможных для этого фрейма – двухчастный и трехчастный (в количество частей здесь включена и реплика, содержащая формулу). В двухчастной структуре левым контекстом оказывается предположение собеседника о R. Трехчастная структура, в дополнение к предположению собеседника и подтверждению говорящего, содержит предысторию, в которой сам говорящий высказывает точку зрения, альтернативную той, которую он впоследствии принимает. Тогда предположение, высказанное собеседником непосредственно перед репликой-формулой, выступает в качестве контраргумента.

Таким образом, в формулах, принадлежащих фрейму осознания, отображается контраст между приобретенной точкой зрения и предыдущей либо ее отсутствием, который может быть заложен в их внутренней форме. При этом если контраст более сильный, формулы могут быть уместны только в трехчастной структуре.

2.4 Фрейм солидарности

Центральный речевой акт – оценка

Во фрейме солидарности участники диалога оперируют не версиями некоторого события, среди которых одна представляется им правильной, а субъективной категорией – отношением к ситуации R. Поэтому левые контексты употребления формул этого фрейма очень однородны – по нашей классификации, они все относятся к речевому акту оценки, который варьируется только в отношении тональности – положительной или отрицательной. Подтверждение в таком случае несет несколько иную функцию, чем в остальных трех фреймах. Говорящий не оценивает содержание предыдущей реплики с точки зрения его правильности, но сообщает о том, что он и сам думал и думает так же и разделяет эмоции по поводу обсуждаемой ситуации R, как бы поддерживая собеседника и объединяясь с ним. Можно предположить, что в случае, если оценка, данная собеседником, – негативная, выражение солидарности будет более сильным.

3 СУЩЕСТВУЮЩИЕ СИСТЕМЫ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ⁶

3.1 Формулы подтверждения в русском языке

Формулы русского языка показывают достаточно строгое распределение по выделенным фреймам подтверждения, и данное обстоятельство для нас удачно, учитывая, что русский материал был для нас стартовым. Формулы – как бывшие в выборке изначально, так и добавленные туда после обнаружения их эквивалентов в других языках – делятся на четыре практически не пересекающихся группы.

Самая большая группа русских формул подтверждения соответствует **фрейму очевидности**. В нее входят такие единицы, как *а как же, а ты как думал, еще бы, ну разумеется, ясное дело* и другие подобные им – ср.:

- [5] *А бывают книги про людей? – Еще бы!* – хохотнул Сол. – Полным-полно! [Юлия Лаврашина. Улитка в тарелке (2011)]
- [6] *Нет ли у Вас фоторобота? – спросил Шерлок Холмс секретаря. – А как же!* – ответил радостно секретарь. [«Информационные технологии», 2004]

Группа формул, соответствующая **фрейму экспертной оценки**, значительно меньше группы фрейма очевидности – кроме того, формулы, относящиеся к ней, гораздо менее частотны. Возможно, это связано с тем, что это наиболее нейтральный контекст подтверждения с минимальным количеством нюансов, что делает наиболее естественной стратегией воспользоваться однословной реакцией типа *именно* или просто универсальным *да*⁷. Тем не менее, группа таких формул существует, к ним относятся *так и есть, именно так, совершенно верно* (а также совсем мало распространенные *в точку* или *в яблочко*). Ср. примеры:

- [7] *То есть вы хотели бы вернуть детям, а, возможно и их родителям, тот самый слух к чужой боли? – Именно так.* [«Богатей» (Саратов), 2003.09.11]
- [8] *Доктора богословия должны перезащищать диссертацию в каком-то другом вузе, видоизменяя ее? – Совершенно верно. А иногда приходится соглашаться на кандидатскую степень!* [Невероятные приключения теологии в России (2015.10.12)]

В таких примерах очень легко применить и формулы очевидности: тогда говорящий представляет то, что известно ему и неизвестно собеседнику, как очевидное, таким образом ставя себя в более авторитетную позицию. К тому же, формулы экспертной оценки, как и формулы очевидности,

6 Автор выражает благодарность экспертам по итальянскому языку Франческе Локе, Валентине Бенини, Франческе Лаццарин, Луизе Руволетти и Марко Бязио и экспертам по словенскому языку Андрею Желе и Матею Метерцу.

7 Интересной задачей было бы оценить соотношение частотности использования дискурсивных формул и «дефолтных» ответов *да* и *нет* в разных фреймах согласия и отрицания. В. Enfield et al. 2019 производилось подобное типологическое исследование процента случаев, где в ответ на общий вопрос в языке используется однозначная фраза вместо «междометия» (к последним авторы относят и частицы, и формулы).

интенсивны. Однако они несовместимы с правыми контекстами, в которых эксплицирована очевидность ответа, и встречаются только в качестве реакций на предположения (или вопросы, в которых есть заведомое предположение, ср. *Это его мама на фотографии?* – *Совершенно верно / Именно так*, но не на обычные общие: – *А пицца у вас есть?* – **Совершенно верно / *Именно так*).

Группа, состоящая из формулы *вот именно* и редких, но достаточно разнообразных *тоже верно*, *и то верно*, *пожалуй что*, *твоя правда* и др., принадлежит **фрейму осознания**. (Сюда бы подошло и относительно композиционное выражение *ты прав*). Часть формул этой группы (ср. *и то верно*) имеет тенденцию использоваться только в контекстах с более сильным контрастом между исходной и новой точкой зрения: например, в 9 говорящий пересматривает свое собственное предложение говорящему и находит его бессмысленным.

[9] Старый Солдат (*подавая фляжку с водой*). *Вот вода для госпожи гофмейстерины Гофмейстерина. Не надо, я и так вся вымокла!* Старый Солдат. **И то верно!** [Самуил Маршак. Двенадцать месяцев (1943)]

Другие – например, *пожалуй что* – возможны в любом контексте, где сказанное собеседником представляется как новое для говорящего. Ср.:

[10] *Получается скандал. – Пожалуй, что...* [Л. Н. Андреев. Христиане (1905)]

Фрейм солидарности в русском языке покрывает в первую очередь формулу (*и / да*) *не говори* – именно она реагирует на оценку – судя по примерам в НКРЯ, в первую очередь на отрицательную (11).

[11] *Раздражает. – И не говори.* [М. Трауб. 2009]

Тоже в значении солидарности, но с дополнительной идеей усиления высказанной до этого оценки может использоваться формула *не то слово* – причем она как раз не пренебрегает положительными контекстами:

[12] *Интересно. – Не то слово, Мариночка, не то слово!* [Т. Соломатина. 2011]

Как, предположительно, все градуальные формулы, *не то слово*, однако, может отвечать и на вопрос *тоже*:

[13] *Он ее... очень любил? – как-то само собой выговорилось у Мышкина. – Не то слово!* [В. Белоусова. 2000]

Мы видим, что в русском языке действительно наблюдается дистрибутивная система – см. упрощенную схему 1.

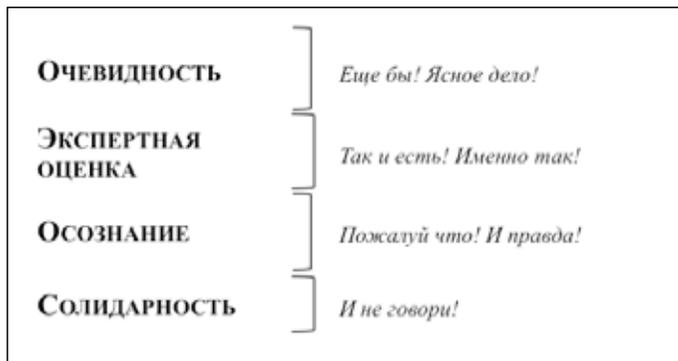

Схема 1: Структура поля подтверждения в русском языке

В основном все дискурсивные формулы подтверждения закреплены за своими фреймами. Некоторые периферийные употребления могут объединять несколько из них – так, например *ну конечно* объединяет фрейм осознания (14) с фреймом очевидности (15) и, возможно, экспертной оценки – при этом в этих случаях она будет произноситься с разной интонацией.

- [14] *Часто в отъезде бывает?* – **Ну конечно**, – рассеянно кивнул профессор. – *Работа такая.* [Александра Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014)]
- [15] *Отсидживались за границей? Состояли любовницей какого-нибудь комиссара?* – *женщина бросила быстрый взгляд на сумочку, и Тарасов хлопнул себя по лбу.* – **Ну конечно**, профессор! *Светило молодой советской науки! Усиленный паек, охрана, площадь...* [Карина Шаинян. Бог из машины (2014)]

3.2 Формулы подтверждения в словенском языке

Согласно собранным нами данным, словенские дискурсивные формулы делят поле подтверждения на две части. Одна часть формул покрывает фреймы очевидности и экспертной оценки, а другая – фрейм осознания и солидарности. Таким образом, для словенской системы релевантно в первую очередь презумптивное знание говорящего с одной стороны (характерное для очевидности и экспертной оценки) и его отсутствие с другой.

Первые два фрейма покрываются словенскими формулами *jasna stvar* (букв. ‘ясная / понятная вещь’), *itak da ja* (букв. ‘конечно что да’), *kaj pa misliš / kaj si pa mislil* (букв. ‘а как ты думаешь / а как ты думал’). Ср. примеры из параллельного корпуса InterCorp v-10 в системе Чешского Национального корпуса: очевидность (16) и экспертная оценка (17).

- [16] *A si lačen?* – **Ja itak!** (*itak da ja / jasna stvar / kaj pa misliš / kaj si pa mislil*). – *Za vsakega en jogurt. Žlice imamo?*
Вы голодны? – *Да, конечно! (Еще бы!)* – *Тут йогурт, хватит всем. Вы принесли ложки?*

- [17] »Če bi ukazal generalu, naj kot metuljček frfota od cveta do cveta [...], general pa ukaza ne bi izpolnil, kdo bi bil kriv? On ali jaz?« »Vi!« je odločno dejal Mali princ. »**Tako je (jasna stvar / itak da ja / kaj si pa mislil).**«

Если я прикажу какому-нибудь генералу порхать бабочкой с цветка на цветок [...], и генерал не выполнит приказа, кто будет в этом виноват – он или я? – Вы, ваше величество, – ни минуты не колеблясь, ответил Маленький принц. – **Совершенно верно**, – подтвердил король.

Еще две формулы – *kakšno vprašanje!* (букв. ‘какой вопрос’), *kaj sploh sprašuješ* (букв. ‘зачем вообще спрашиваешь’) и *še vprašuješ!* (‘еще спрашиваешь!’) – имеют более узкую сочетаемость и подходят только к фрейму очевидности и только к прототипическому для него левому контексту – вопросу (см. [18]). Можно предположить, что это говорит о незавершившейся прагматикализации этих выражений, потому что в них слишком еще большую роль играет внутренняя форма – говорящий прямым текстом сообщает, что вопрос, заданный ему, был неуместен. Ср. здесь русское *не вопрос*, которое используется в качестве ответа на просьбы, но не реагирует на вопрос, а значит, менее композиционно.

- [18] *Si res varuška? – **Kakšno vprašanje!***
*Вы действительно няня? – **Что за вопрос?***

Вторая группа словенских формул подтверждения – *točno tako* (‘точно так’), *tako je* (‘так есть’), *res je* (‘это правда’) и *samo res* (‘только правда’) – покрывает оставшиеся два фрейма осознания и солидарности:

- [19] *Vendar predlog, naj bi Kanta poslali na Solovke, tujca ni prav nič zdražil, še navdušil ga je. »Tako je, tako je (točno tako / res je / samo res),« je vzkliknil in levo zeleno oko, obrnjeno k Berliozu, se mu je zaiskrilo.*

Но предложение отправить Канта в Соловки не только не поразило иностранца, но даже привело в восторг. – **Именно, именно**, – закричал он, и левый зеленый глаз его, обращенный к Берлиозу, засверкал, – ему там самое место!

- [20] *Mar ni prekrasna? **Da, res je (točno tako / tako je / samo res).***
*Красавица, верно? **Да, хороша.***

При этом *res je*, *točno tako* и *tako je* способны употребляться и в контекстах предположения, во фрейме экспертной оценки – наименее маркированном фрейме поля:

- [21] *»Moj gospodar pravi, da sem preveč mačja.« [...] »Torej misli, da imate določene mačje lastnosti?« **»Ja, tako je,« je odgovorila Mija.***

Мой хозяин считает, что во мне слишком много кошачьего. [...] – Вероятно, он имеет в виду, что в вас есть что-то от кошки? – **Именно так**, – подтвердила Мурли.

Отдельная формула *no, vidiš* (‘ну, видишь’), похожая на русскую *вот видишь*, соответствует периферийным контекстам – комплимента и дискуссии, в которой говорящему удалось переубедить собеседника (22).

- [22] »Izhajajva iz dejstva,« je začela Mačka, »da psi niso nori. Se strinjaš s tem?« »**Bi rekla,**« je odvrnila Alica. »**No vidiš,**« je povzela Mačka.
Начнем с того, что пес в своем уме. Согласна? – Допустим, – согласилась Алица. – Дальше ('в словенском переводе ≈ 'вот именно'), – сказал Кот.⁸

Основное распределение формул подтверждения в словенском представлено на схеме 2.

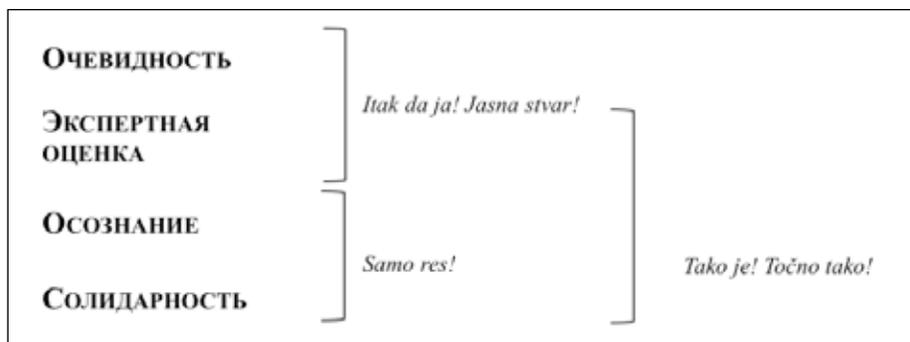

Схема 2: Структура поля подтверждения в словенском языке

Нельзя не отметить, что в словенском языке многие однословные реакции подтверждения, способные, как русское *конечно*, функционировать и как дискурсивные маркеры, восходят к формулам. Ср. *itak*, образованное по той же модели, что и русское *итак*, но развившее совершенно другую семантику очевидности, а также два слова, образованных по общей модели – из глагола и союза *da* 'что' – *seveda* ('известно,⁹ что') и *menda* ('считает, что'), см. Snoj 2016. В русском языке такая стратегия образования дискурсивных маркеров нехарактерна для этого поля, но встречается, например, в удивлении, ср. русские дискурсивные слова *неужели*, *неужто*.

3.3 Формулы подтверждения в итальянском языке

В итальянском, как и в русском, самая большая группа формул соответствует фрейму очевидности – в нее входят выражения *per forza* ('обязательно' –

8 В этом примере обнаружилась еще формула *bi rekla* (букв. 'сказала бы'), которая используется здесь во фрейме осознания и переведена как *допустим*. Ее не было в исходной выборке, поэтому она не была включена в общий анализ структуры поля подтверждения в словенском, однако стоит заметить, что ее внутренняя форма интересна для сопоставления с русской формулой отрицания *я бы не сказал*. В словенском с отрицанием она тоже используется:
– *Ga tisto lahko ubije?* – *Ne bi rekla.*

– *Ona действительно убьет его?* – *Сомневаюсь.*

9 *Se ve* представляет собой сочетание возвратной частицы и глагола 'знать' в третьем лице единственного числа. В словенском языке, как в итальянском, существует возвратная конструкция со значением обобщенного субъекта (см. Uhlik – Žele 2018).

букв. ‘насиленно, силой’), *ci mancherebbe* (‘нам / тут¹⁰ бы недоставало’), *come no* (‘как нет’), *eh direi* (‘эх я бы сказал’),¹¹ *ci credo* (‘я в это верю’).

Из этой группы большая часть распространяется на соседнее подтверждению поле согласия на просьбу – ср. *ci mancherebbe* (23). Кроме того *ci mancherebbe* может использоваться еще и в качестве реакции на новость (говорящий представляет сообщенную собеседником информацию как нечто очевидное, ср. (24), а также в ответ на благодарность (25).

- [23] *Ne говорите Ларе. Она с ума сойдет. – Еще бы. Для этого я позвал вас в другую комнату.* [Б. Пастернак. 1945–1955]
 «Non ditelo a Lara. Impazzirebbe.» «*Ci mancherebbe altro. Per questo vi ho fatto venire in un'altra stanza.*» [Boris Pasternak. Il dottor Zivago (Pietro Zveteremich)]
- [24] *Ведь я мертвых никогда еще не продавала – Еще бы! Это бы скорей походило на диво, если бы вы их кому нибудь продали.* [Н. В. Гоголь. 1835–1852]
 «Morti non ne ho ancora mai venduti.» «*Ci mancherebbe altro! Ci sarebbe piuttosto da meravigliarsi se li avesse venduti a qualcuno.*»
- [25] *Я поблагодарил служащего. Он ответил: ради Бога.* [В. Набоков. 1955–1967]
Lo ringraziai. Lui disse: ci mancherebbe. [V. Nabokov. (Giulia Arborio Mella)]

Три итальянские формулы подтверждения из фрейма очевидности – *ma che dici* (‘да что ты говоришь’), *ma che discorsi sono* (‘да что за разговоры’) и *che domande* (‘что за вопросы’) – сочетаются только с вопросами (26), как было в словенском, и, как и словенские *kakšno vprašanje* и *kaj sploh sprašuješ*, эти формулы реагируют скорее на сам речевой акт собеседника, а не на его содержание.

- [26] *Se verrei? Che domande, certo che sì.*
Согласен ли я? Что за вопрос! Конечно, да!
 [примеры из параллельного корпуса ReversoContext]

Две формулы – *altro che* (‘а как же иначе’) и *senza dubbio* (‘без сомнения’), объединяют фрейм очевидности с фреймом экспертной оценки:

- [27] *[...] ведь не каждый же день встречаешься с нечистой силой! – Еще бы, – подтверждал Аззелло, – если бы каждый день, это было бы приятно!*
[...] non capita tutti i giorni d'incontrare il maligno! – Altro che! – confermò Azzello. – Fosse tutti i giorni, sarebbe troppo bello!
- [28] *Так у тебя и флигелек завелся? – Как же-с; где баня-с, – вмешался Тимофеич.*
Hai costruito un'ala? – Altro che! – esclamò Timoteo – e c'è anche il bagno.

В итальянском есть также формула *eh vedi*, которая используется только как экспертное подтверждение. Во фрейме солидарности есть специализи-

10 В итальянском языке существует омонимия дательного падежа местоимения первого лица единственного числа и пространственного наречия ‘там, тут’. Опрошенные носители итальянского затруднились ответить, какое из этих слов входит в состав формулы *ci mancherebbe*.

11 Заметим, что, несмотря на формальное сходство, словенская формула *bi rekla* и итальянская *eh direi* покрывают соседние фреймы, но не пересекаются.

рованная формула *non me lo dire* (букв. ‘не говори мне это’), отвечающая исключительно на негативную оценку. А вот отдельных формул, которые бы специализировались на фрейме осознания, выявить не удалось – ни в параллельных корпусах, ни при работе с носителями языка. Эту область обслуживают формулы *proprio così* (‘именно так’), объединяющая солидарность, осознание и экспертную оценку, и *per l'appunto* (букв. ‘для записи’), объединяющая фреймы экспертной оценки и осознания:

- [29] *Лицо открытое, полная, белая. – Это которая всё косы заплетала и расплетала? – Косы, косы! Ну да! В самую точку. Косы!* [Б. Пастернак. 1945–1955]
Una faccia larga, piena, di carnagione chiara.» «Quella che continuava a farsi e a disfarsi le trecce?» «Le trecce, le trecce! Ma sì! Proprio così (Per l'appunto!), le trecce!» [P. Zvetemich]
- [30] *Вы пришли со мной проститься? – проговорил Николай Петрович, поднимаясь ему навстречу. – Точно так-с.* [И. С. Тургенев. 1860–1861]
Siete venuto per accomiatarvi? – domandò Nicola, alzandosi per andargli incontro. – Per l'appunto (Proprio così). [Federigo Verdinois, 1930]

Основные черты распределения итальянских формул по фреймам поля отображены на схеме 3. На ее основе можно заключить, что в итальянской системе важны два параметра: присутствие у говорящего ожиданий от собеседника и, как в словенском, существование презумптивного знания (см. таблицу 1).

Схема 3: Структура поля подтверждения в итальянском языке

4 ЗАКЛЮЧЕНИЕ. СОПОСТАВЛЕНИЕ СИСТЕМ

Рассмотрев дискурсивные формулы русского, словенского и итальянского языка, мы получили три разные системы подтверждения (см. схему 4). В русском языке система скорее дистрибутивная – за каждым фреймом закреплена своя группа формул.

Словенская система ближе к бинарной. Формул, которые выделяли бы отдельные фреймы, практически нет. В итальянском не оказалось специальных формул для фрейма осознания – он обслуживается формулами двух со-

седних фреймов – а в остальном поле может либо делиться пополам, как в словенском, либо противопоставлять фрейм очевидности всем остальным.

	РУССКИЙ	СЛОВЕНСКИЙ	ИТАЛЬЯНСКИЙ
ОЧЕВИДНОСТЬ	<i>Еще бы! Ясное дело!</i>	<i>Itak da ja! Jasna stvar!</i>	<i>Per forza! Ci mancherebbe!</i>
ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА	<i>Так и есть! Именно так!</i>		
ОСОЗНАНИЕ	<i>Пожалуй что! И правда!</i>	<i>Samo res!</i>	<i>Proprio cosi!</i>
СОЛИДАРНОСТЬ	<i>И не говори!</i>		
			<i>Altro che! Senza dubbio!</i>

Схема 4: Системы формул подтверждения в трех языках

Исключительно интересным аспектом типологической работы с материалом дискурсивных формул является поиск возможных стратегий их формирования (конструкционализации) – и, в перспективе, определение универсальных композиционных источников для каждой семантической группы.

Из общих тенденций можно выделить то, что среди формул подтверждения, соответствующих фрейму очевидности, как в русском, так и в словенском и итальянском языках, наиболее часто встречаются риторические вопросы (*А как же? / А ты как думал? / Come no? / Kakšno vprašanje!*), при помощи которых говорящий интересуется об альтернативной версии собеседника, как будто выражая желание говорящего понять ход мыслей собеседника, приведший его к неверному предположению при существовании очевидной правильной версии (и то, и другое с точки зрения говорящего).

Безусловно, заслуживает более подробного внимания историческая связь между конструкциями и формулами.

Довольно неожиданно, что из *Еще бы ХР!* (ср. *Еще бы он был недоволен!*), конструкции негативной оценки несбывшегося события, образовалась формула со значением ‘да’, а не ‘нет’. Это особенно интересно в контексте итальянского материала, в котором найдена формула подтверждения *Ci mancherebbe (altro)!* ‘нам / тут бы не доставало’ со сходной стратегией прагматикализации из также существующей там конструкции *Ci mancherebbe VP-Inf.* Заметим, что, казалось бы, формально более близкий к *Ci mancherebbe!* перевод на русский язык *Еще не хватало!* ни при каких условиях не может выражать согласия – только отказ, возможно, отрицание и собственно отрицательную оценку:

[31] *Баев сел на диван, глаза мутные, тончик такой нейтральный. – Я сам, сам. Еще не хватало. Я сам разденусь.* [Екатерина Завершнева. Высотка (2012)]

- [32] *Хорошо. Скоро буду... «Дьявол вас разорви, – подумал Суханов. – Еще не хватало. Что ему надо, этому идиоту?»* [Андрей Белозеров. Чайка (2001)]

Структурная параллель между русским и итальянским нашлась и во фрейме солидарности. В обоих языках были формулы подтверждения, образованные от отрицательного императива с глаголом речи (рус. не *говори(те)* и ит. *non te lo dire / non te ne parlare*), призывающие собеседника прекратить разговор на поднятую им тему.

В русском и словенском языках был обнаружен общий источник для формул фрейма очевидности – именная группа, состоящая из существительного со стертой семантикой (можно было бы по аналогии с термином *light verb* назвать его легким существительным) и прилагательного – рус. *ясное (понятное) дело* и слов. *jasna stvar* ('понятная вещь').

При этом, по нашим данным, между русской и словенской формулами есть различие – если *ясное дело* в русском покрывает исключительно фрейм очевидности, то в *jasna stvar* компонент невозможности любого другого представления, судя по всему, может стираться или по крайней мере отходить на второй план: словенская формула употребляется и во фрейме экспертной оценки.

Другой интересный ракурс – поиск разных возможных направлений развития общего композиционного источника. Так, например, внутренняя форма *točno tako* у носителя русского языка вызывает ассоциации с *так точно*, которое является конвенциональным ответом на приказ в армии и этим больше напоминает рутину (*routines* в понимании Aijmer 1996 встроены в определенные социальные сценарии: ср. в ответ на подарок полагается отвечать *спасибо*). В словенском же в этом экстралингвистическом контексте при подтверждении используется близкий ей вариант *tako je* (33), а в качестве ответа на приказ – *pokorno javljam*, букв. 'покорно докладываю' (34).

- [33] – Вы хотели развлечений? – *Так точно, сэр!* – Вы хотели приключений? – *Так точно, сэр!*
Hočeš žvečiti igračko? – Ali hočeš vzburjenje? – Gospod, tako je, gospod! – Ali hočeš avanture? – Gospod, tako je, gospod!
- [34] *Так залезайте в вагон, Швейк. – Так точно, уже лезу, господин обер-лейтенант.*
»Torej kar zlezite v vagon, Švejk.« »Pokorno javljam, gospod oberlajtnant, da že lezem.«

Основной вопрос, поставленный в этой работе, звучал так: применим ли к прагматическим единицам опыт лексической типологии? Судя по результатам, полученным нами для поля подтверждения, ответ на него положительный (или, если ответить при помощи дискурсивной формулы осознания – то *Пожалуй что!*).

ЛИТЕРАТУРА

- Aijmer 1996** = Karin Aijmer, *Conversational routines in English: convention and creativity*, Routledge, 2014.
- Byčkova et al. 2019** = Полина А. Быčkova et al., Дискурсивные формулы, полисемия и жестовое маркирование, в: Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова 21 (2019), 257–284.
[Polina A. Byčkova et al., Diskursivnye formuly, polisemija i žestovoe markirovanie, v: *Trudy Instituta ruskogo jazyka im. V. V. Vinogradova* 21 (2019), 257–284.]
- Enfield et al. 2019** = Nick J. Enfield et al., Polar answers, *Journal of Linguistics* 55.2 (2019), 277–304.
- Fillmore 1976** = Charles J. Fillmore, Frame semantics and the nature of language, *Annals of the New York Academy of Sciences: conference on the origin and development of language and speech* 280.1 (1976), 20–32.
- Fillmore et al. 1988** = Charles J. Fillmore et al., Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: the case of let alone, *Language* (1988), 501–538.
- François 2008** = Alexandre François, Semantic maps and the typology of colexification: intertwining polysemous networks across languages, in: Martine Vanhove (ed.), *From Polysemy to Semantic Change: Towards a Typology of Lexical Semantic Associations*, Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 2008 (Studies in Language Companion Series 106), 163–215.
- Goddard 2010** = Cliff Goddard, The natural semantic metalanguage approach, in: *The Oxford handbook of linguistic analysis*, ed. Bernd Heine – Heiko Narrog, Oxford: Oxford University Press, 2010, 459–484.
- Heine 2013** = Bernd Heine, On discourse markers: grammaticalization, pragmaticalization, or something else?, in: *Linguistics* 51.6 (2013), 1205–1247.
- Koptjevskaja-Tamm et al. 2016** = Maria Koptjevskaja-Tamm et al., The semantics of lexical typology, in: Nick Riemer (ed.), *The Routledge Handbook of Semantics*, London – New York: Routledge, 2016, 434–454.
- Lander et al. 2012** = Yury Lander et al., Verbs of aqua-motion: semantic domains and lexical systems, in: Mila Vulchanova – Emile van der Zee (eds.), *Motion encoding in language and space* 6, Oxford: Oxford University Press (2013), 67–83.
- Majid 2012** = Asifa Majid, A guide to stimulus-based elicitation for semantic categories, in: *The Oxford handbook of linguistic fieldwork*, Oxford: Oxford University Press, 2012, 54–71.
- Materc 2016** = Matej Materc, Empirični pristopi k razločevanju med neparemiološkimi in paremiološkimi stavčnimi frazemi, *Jezikoslovni zapiski* 22.1 (2016), 39–49.
- Pomerantz 1978** = Anita Pomerantz, Compliment responses: notes on the co-operation of multiple constraints, in: Jim Schenkein (ed.), *Studies in the organization of conversational interaction*, Academic Press (1978), 79–112.
- Pužajeva et al. 2018** = Светлана Ю. Пужаева et al., Автоматическое извлечение дискурсивных формул из текстов на русском языке, в: *Вестник Новосибирского государственного университета: лингвистика и межкультурная коммуникация* 16.2 (2018), 5–18.
[Svetlana Ju. Pužajeva et al., Avtomatičeskoe izvlečenie diskursivnyh formul iz tekstov na ruskom jazyke, v: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta: lingvistika i mežkul'turnaja komunikacija* 16.2 (2018), 5–18.]
- Rakhilina – Reznikova 2016** = Ekaterina V. Rakhilina – Tatjana I. Reznikova, A frame-based methodology for lexical typology, in: Päivi Juvonen – Maria Koptjevskaja-Tamm (ed.), *The lexical typology of semantic shifts*, Berlin: de Gruyter, 2016, 95–129.
- Ryzhova – Obiedkov 2017** = Daria Ryzhova – Sergei Obiedkov, Formal concept lattices as semantic maps, in: Ekaterina Artemova et al. (eds.), *Computational linguistics and language science*, Aachen: CEUR Workshop Proceedings, 2017, 78–87.
- Rzyski et al. 2020** = Christoph Rzyski et al., The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies, *Sci Data* 7.13 (2020).
- Snoj 2016** = Marko Snoj, *Slovenski etimološki slovar*, Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 32016.

Uhlik – Žele 2018 = Mladen Uhlik – Andreja Žele, Brezosebne zgradbe v slovenščini: kontrastiva z drugimi južnoslovanskimi jeziki in ruščino, *Jezikoslovni zapiski* 24.2 (2018), 99–112.

POVZETEK

Diskurzivne formule pritrjevanja s tipološkega stališča

Prispevek predstavlja zasnovo tipološke študije pragmatičnih zgradb v vlogi odgovora *Tell me about it!*, *I should think so!*, *No way!* (rus. *Ne govori!*, sl. *Kaj si pa misliš!*). Zasnova tipologije je izdelana po modelu moskovske leksikalne tipološke šole. Izpostavljene so ruske, slovenske in italijanske diskurzivne formule s pomenom pritrjevanja. Delitev formul izhaja iz razlikovanja med štirimi pomenskimi okviri: »pritrjevanje očitnemu«, »strokovno pritrjevanje«, »uvid« in »solidarnost s sogovorcem«. Za vsak pomenski okvir je značilna posebna govorna situacija, ki vključuje posebno vplivajnsko moč, pričakovanja govorca in prejemnika in drugo. Na podlagi vzporednih korpusov in vprašalnikov govorcev smo pokazali, da so diskurzivne formule v vsakem izmed obravnavanih jezikov sistematizirane po pomenskih okvirih glede na parametre v vsakem jeziku. Rezultati omogočajo podlago za preizkušanje uporabnosti leksikalne tipologije za analizo pragmatičnih pomenov.